

Учитель-обруситель

Борис Инфантьев

Как это ни удивительно, такое важное в истории латышей явление, как русификация, привлекающее ныне исключительное внимание историков и культурологов и нашедшее весьма широкое отражение в латышском фольклоре, в латышской литературе прошло бы совершенно незамеченной, если Павел Розитис не написал бы своего объемного романа «Valmieras puikas» («Валмиерские ребята»).

Правда, есть еще небольшая юмореска Антона Аустриня «Vēstule no viņrasaules» («Письма с того света»), в котором высмеивается полное неведение царских чиновников в лице начальства и учителей русских семинариев жизни своих воспитанников. Но эта юмореска разве что имеет значение в описании внешности, характера и поступков директора такого семинария, который собирается перевоспитывать своих националистически настроенных воспитанников через их родителей, которые оказываются уже давно умершими.

* * *

Стр. 82.

Совершенно противоположным был учитель русского языка Иван Петрович Смирнов, сын русского священника, только в прошлом году окончивший Казанский университет. Он был словоохотлив и любил злословить. В глаза любил хвалить, а за спиной любил зло посмеяться. Также с Лаусомон всегда в учительской рассказывал новейшие сплетни, которые слышал в городе. К Рите он всегда был особенно внимателен, и старался ее провозжать по ули-

це. Но Рите это совсем не нравилось, ибо из-за смирновской благосклонности она могла попасть «на язык» общественности. Смирнов не стоил этого. Его бесконечные русские анекдоты, которые он ежедневно рассказывал, уже давно всем надоели. О чем-либо серьезном Рита от Смирнова ничего никогда не слышала. Казалось, что он окончил не университет, а академию анекдотов.

Стр. 84. (В разговоре с Ритой Смирнов замечает о происшедшем на ее уроке шуме в связи с забежавшей в класс мышью):

— Я тоже не хочу истязать. Но у нас в Казанской приходской школе мы ввели подлинную военную дисциплину.

— Здесь не Казань и не церковная школа, — отрезала Рита.

На что Смирнов, не сдаваясь, продолжает отстаивать свою точку зрения:

— Я знаю, что здесь окраина, и не Казань. Но дисциплина должна быть всюду.

Стр. 85. Конфликт со старшеклассниками.

Смирнов без особенного энтузиазма от правил в старший класс. Резкость госпожи Гравы и не рассказанный анекдот его совершенно удручал. Здесь они все так присосались к работе, как пиявки. В Казанской церковной школе был совсем другой порядок. На занятия никто так не спешил, но охотно еще бы побеседовали в учительской. Да, окраина остается окраиной. Нет настоящей вольности.

В класс Смирнов пришел вконец раздраженный. Усевшись на кафедре, он на ребят

смотрел, как на своих врагов, с которыми сейчас же предстоит решающая схватка. Посмотрим, будет ли у нас мышь бегать по классу.

Он начал рассказывать, что все окраины России живут светом русской культуры. Хорошо, что Россия разрешает им жить и дышать.

В этот момент встает ученик Лауцис и кричит громким голосом:

— Учитель, прошу вон!

Смирнов от удивления умолкает и злобно смотрит на Лауциса. Что? Он хочет, чтобы я ушел вон? Но Лауцис злобный взгляд учителя выдержал и также громко повторил свою просьбу: «Прошу вон!»

— Вон! — Смирнов кричит, — но Лауцис спокойно уходит. Как только Лауцис оказался за дверью, встал Янис Крум и совсем спокойно сказал:

— Учитель, прошу вон!

— Вон! Вон! — Еще злобнее кричит на Крума Смирнов. Но это было как сигнал остальным ребятам. Смирнов только беспрерывно кричал: «Вон! Вон! Вон!»

Некоторые ученики вставали, ничего не говорили и только уходили. И так уже полкласса за дверями, когда Смирнов как бы придя в себя, закричал:

— Погодите, послушайте! Я с вами шутики шутить не собираюсь. Позову полицию и велю всех отвести в тюрьму!

— Прошу вон! — Громко вскричал Роберт Крастиньш и выбежал из класса.

За ним по пятам из класса выбежал Смирнов, с треском захлопнув дверь класса. Отправился он напрямик к директору школы Осису.

Оценка этого события Ритой Гравой и Смирновым оказались диаметрально противоположными.

— Здесь такая распущенность, какая в России была бы совсем невыносима.

— Тут же России нет.

— Ах, так, нет? Так может быть вы этому и учите?

— Иван Петрович, — так Осис пытался спасти сложившуюся политическую ситуацию, — вы госпожу Граву не так поняли. Она не хотела сказать, что здесь нет России. Она хотела сказать, что наши ученики — не русские.

Стр. 127. Попытки Смирнова установить контакты с учителями. Учитель математики Кадикис.

В ресторане Лиелноры.

— Мы, русские, добродушны, и поэтому

выпить любим от души. Без души рюмки как бы пустые.

— Мне у русских нравится их многочисленность: в математике большие числа всегда более солидны, чем малые, тогда и знаешь, что мозгам будет работа.

— Так разве это неправда? Большой народ имеет всегда большое значение, — Смирнов радостно воскликнул.

— Да, он и глупостей, и мерзостей производит больше. Я был и остаюсь сторонником больших чисел.

Эти слова Кадикиса Смирнова обеспокоили, и он не знал, оскорбляться или считать это шуткой.

— Должен признаться: не могу и не могу здесь прижиться, — Смирнов из опасения повернул разговор в другую сторону. — Все люди, как чужаки.

— Что же они вам такого сделали?

— Ну, в своей стороне я никогда такие невзгоды не претерпевал. Директор Осис мне до сих пор не дал удовлетворения по поводу моего столкновения с учениками. Они должного наказания не понесли.

— Что вы с этими наказаниями, шутите?

— Но как же иначе их усмирить и приучить к порядку?

— Я поступаю совсем просто. Если кто в классе не спокоен, я его вызываю к доске и задаю такую задачу, что он сразу становится спокойным. Самого безалаберного шалуна трудности успокаивают.

— Это хорошо. Но почему вы позволяете называть себя Негативом?

— Пусть называют! Но я от них требую положительных ответов по математике. Если на это они не способны, то результаты отрицательные. Они у меня совсем тихие и изучают математику, как профессора. По мне, директор всю зиму мог бы жить припеваючи, он мне не нужен.

— Но попечитель хочет, чтобы я ребятам привил страстный русский дух. Для этого он меня сюда и прислал, — оправдывался Смирнов.

— Ну, в таком случае у вас ничего не выйдет. Вам бы лучше преподавать гимнастику, она живее и подвижнее, чем русский дух.

— Это правда. Но я должен оправдать надежды высшего начальства, тогда я скорее стану инспектором, а позднее и директором. Но если я здесь ничего не добьюсь, то моя карьера

на долгие годы приостановится. Я должен стараться.

— Стремление — вещь хорошая. Но о стелу можно разбить лоб. Любой чужой дух в школьниках следует развивать медленно. И я никогда не начинаю с высшей математики, а с арифметики.

— Может быть, так оно и есть, но у меня нет уже больше возможности отступить. Я попечителю так много наобещал. И Кутузов меня держит, как в щипцах.

Услышав последнее признание Смирнова, Кадикис стал более внимательным.

— Что же у вас за дела с полицией? — Кадикис спросил, как бы удивившись.

— Вам я могу признаться. Попечитель сказал, что Кутузов всегда и всюду будет поддерживать, чтобы я не чувствовал себя совершенно одиноким среди чужестранцев. Но теперь он требует только донесений от меня о школе, учителях и учениках. Это ведь не помощь, а использование. Это я говорю только вам. У меня иногда такое чувство, что хотелось бы плакать. Я же вижу, как вы ко мне относитесь. В Казани я был совсем другим, — Смирнов, казалось, совсем уж размяк.

— Да, в Казани не было Кутузова.

— Там были мужи еще больше.

— Но вы не искали их поддержки!

— Тогда для меня не было такой важной задачи, как теперь. Больше всего мне больно, как ко мне относится госпожа Грва, ведь она мне нравится. Я готов даже жениться на ней.

— Но, может быть, она за вас совсем не вышла бы.

— Как так — не вышла бы? Я же скоро буду инспектором, а впоследствии и директором. Сам попечитель мне обещал. Я человек, который хочет и умеет выслуживаться. Никто меня не побуждал, я сам выбрал этот путь устремлений в будущее.

— Вы все же такая единица, которая выпала из большого числа. А единожды один — все же один.

— Так мне и не стоит надеяться на госпожу Граву?

— В Казани я тоже был влюблен и делал предложение, но она мне отказала: сказала, что не любит.

Только теперь он почувствовал, что находится на чужбине, далеко-далеко от своей родины. Как теперь хорошо было бы у Волги, смотреть на ее мирное течение и забыть про ущемленное сердце.

Стр. 139. (Смирнов накрывает собрание школьников и бурсаков.)

— Что тут происходит?

— Ничего особенного, мы учимся, — Лауцис пытался быть спокойным.

— Учитесь прокламации делать и правительством скидывать, — Смирнов ехидно усмехнулся.

— Нет, высматривать и шпионить, — уже спокойно заметил Лауцис.

Этого Смирнов больше не выдержал.

— Лауцис, вас завтра выгонят из школы, как собаку, об этом я позабочусь. — И Смирнов ушел, хлопнув дверью.

— Вот это настоящий учитель, Лауцис, у вас все такие?

— У нас в бурсе таких болванов нет. А его угрозы действительно имеют силу?

— Неизвестно. Он уже давно на меня зубы точит. Теперь, скорее всего, побежит к Кутузову. Осис меня тоже особенно защищать не будет.

— Не будет? Плохо. Учитель все-таки не жандарм.

— Все же русский. Учитель, что к нам прислан, всех хочет переделать в русских.

— Нас, бурсаков, тоже переделывают на русских, но не так грубо.

(В учительской обсуждают арест и возможность вывоза Лауциса.)

Осис: — Вы нашу жизнь не знаете, не стремитесь соотнести ее с казанскими условиями. Здесь живет другой народ, у него иной характер.

Смирнов: — Вот поэтому я и должен стремиться, чтобы в России все было по-русски.

На эти слова Осис из-за предосторожности ничего не ответил, чтобы не получилась такая же схватка, как с Ритой Гравой.

Поскольку выясняется, что и Смирнов в какой-то мере замешан в дело ареста Лауциса, Осис просит Смирнова похлопотать о скорейшем освобождении школьника.

В своем отрицательном ответе Смирнов показывает подлинную свою роль в этом деле:

— Нет! Мне это невозможно. Вчера просить, чтоб арестовали, а сегодня об этом сожалеть! Разве вы думаете, что вчера они бросились его арестовывать? Долго пришлось разъяснять и просить. Они не хотели с мальчишками заниматься, пусть я обращаюсь к вам. Тогда я им ясно сказал, что такие мальчишки — самые опасные. Они вырастут настоящими революционерами. Я сказал, что у Лауциса

происходят тайные сходки, и он хранит также прокламации.

— Ах, такому они доверяют обрусительную политику в Валмиере! — пределам злобы и ненависти Осиса не было границ.

(Осис отправляется к начальнику уезда Кутузову выяснять случившееся.)

Смирнов стоял совершенно обескураженный: Осис ушел не попрощавшись. От меня теперь все бегут, как от прокаженного, совсем сникнув, Смирнов вышел из школы и подумал, что место это проклято, ибо ему ничего не удавалось. Теперь врагами будут не только школьники, но и учителя. И Смирнов остается один одинешенек.

Кутузов: — Царским народам следовало бы всем быть одинаковыми. Тогда и ему легче было бы править. Теперь присоединят и Японию к России, и тогда будет совсем трудно будет понимать друг друга. Я не верю, что японцы способны были изучить русский язык.

Стр. 203.

Подлинная Валмиера не была такая — русские чиновники Кутузовым и Смирновым во главе. Это был позор Валмиеры, который смоем половодье новой жизни.

Стр. 211.

Школа Осиса в Валмиере считается самой свобододобивой, что самому Овчинникову доставляло немало хлопот.

Овчинников опять сообщает в Ригу, что в школе Осиса обучают революционеров, а те портят остальные школы. Донесения Овчинникова оставались без последствий, ибо они напоминают о его друге — учителе Лаусе, и юные годы в Петербурге. И что за нелепость: как одна школа может совершить революцию. Попечителю было ясно: Овчинников только стремился доказать, что он даром государственный хлеб не ест. Донесениями о волнениях мальчишек он лишь сам хочет выслужиться. Не получая ответов на свои донесения, Овчинников решил в школе Осиса произвести ревизию. Особенно ему не понравились уроки латышского языка, хотя их было всего два в неделю. К чему вообще такие уроки? Они только возбуждают другие школы и ведут к свободомыслию. Овчинников сам своими ушами слышал на совещании школьных директоров при попечителе, как пастор Лудис Аунинг прочел целый доклад о том, что латышский язык нужен только для обучения Закону Божьему.

Однажды Овчинников в школе Осиса по-

пал на урок географии в старшем классе. Учительница Анна Асаре ученикам что-то страстно рассказывала. При входе Овчинникова все оторопели, особенно учительница. Но скоро она пришла в себя и сказала, что повторяет географию Латвии.

— Какую географию вы повторяете? Или я ослышался? Или не понял? Лицо Овчинникова озарила усмешка.

Географию Латвии — вместо учительницы отвечали ученики.

— Ну, подойди к карте и покажи, где такая Латвия находится, — Овчинников насмешливо указал на первой парте сидящему ученику. Это был Петерис Лауцис.

Лауцис твердым шагом подошел к карте Европейской России и показал Курляндию, Лифляндию и Латгалию.

Как называется этот округ? — спросил Овчинников.

— Латвия, — спокойно ответил Лауцис.

— А другого названия ты не знаешь?

— Знаю.

— Ну, так скажи!

— Другие названия неправильны.

— Как тебя зовут?

— Петерис Лауцис.

— Ах, ты тот самый Петерис Лауцис, который и в тюрьме посидел? Это был ответ человека, посидевшего в тюрьме. Жалко, что тебя так быстро выпустили. Может быть, там ты научился бы правильной географии. Это учительница тебя научила этому названию?

— Мы все знаем это название, — Лауцис все еще говорил спокойно и смотрел Овчинникову прямо в глаза.

— Это я уже теперь вижу. Но вы кроме прокламаций умеете еще что-нибудь другое? Какие реки ты знаешь?

— Большие реки Латвии: Даугава, Лиелупе, Гауя, Вента.

— А как называется император твоей Латвии?

— В Латвии императора нет, а в России Николай Второй.

— Вон из класса, ты бунтовщик, — насмешка Овчинникова превратилась в несдерживаемую злобу.

— Сколько губерний в Балтийской окраине? — обращается Овчинников ко всему классу, но ему никто не отвечает. Это его разозлило еще больше, и он стал совсем красным. Затем указал пальцем на Крума, в лице которого увидел как бы насмешку.

— Это я не учил, громко ответил, вставая, Крумс.

— Хочешь, чтобы и тебя выгнали из класса, — Овчинников кричит так, что это было слышно не только во всей школе, но и на улице. Крумс немного покраснел и не знал, что делать. Этого было достаточно, чтобы Овчинников потерял самообладание. Он бросил на учеников уничтожающий взгляд.

— С вами я поговорю в другом месте, — он громко прокричал, и учительница выбежала из класса.

Стр. 280.

В учительскую вошел Смирнов, бледный и взволнованный.

— Не знаю, выдержу ли я до конца учебного года! Здесь происходят ужасные вещи, и самое страшное, кажется, еще впереди. Действительно, у правительства нет лучшего начальника полиции, которого прислали сюда, — Смирнов говорил громко как всегда. Теперь он боролся один, без помощника Кутузова. Правда, борьба не была бы такой острой, ибо одному сложно сражаться за отчизну. Остальные учителя к Смирнову относились насмешливо или не замечали его. В связи с этим Смирнов сильно пил. Осис однажды сказал, чтобы Смирнов не пил так много — денег не хватит доехать до Казани.

— Если не будет денег, пойду пешком. Я здесь целый год проработал совершенно зря. Мальчишки теперь говорят по-русски хуже, чем осенью.

Мальчишки сегодня должны были выучить басню Крылова об осле, козле и медведе. Это такая замечательная вещь, которую каждый должен бы знать наизусть. Я вызвал мальчишку шляпника и велел прочитать, а он: «Uzel, kuzel, da kusela pi miska». Сразу весь класс хохочет, как сумасшедший. Я этого «Uzel — kuzel» отправил обратно за парту и начал класс честить. Я мальчишкам сказал, что неуважение к языку царя есть неуважение к самому царю. За такие дела заковывают в кандалы и ссылают в Сибирь. Так десять минут я их отчитывал и решил, что теперь будет хорошо. Вдруг один кричит:

— Когда я поеду на матушку.

— Ну, в старших классах я к такому бесстыдству привык, но здесь маленькие узелы и кузелы говорят гадости. Все жиды — маленькие и большие, революционеры. Если бы Кутузов был на своем месте, в Валмиере был бы совсем другой дух.

Рита: — Вы здесь чужак. Вы никогда не поймете наш народ и его потребности. Чуждость еще не была бы преступлением, но — ваша ненависть и неправильное отношение к непонятному. Такими мы привыкли видеть только полицейских, но не учителей.

— Краины остаются краинами. Нет людям раздолья. Жизнь течет, как за пазухой. И Россию не любит никто. Я вижу, что я здесь лишний. Хотел эту окраину обратить к России, но меня никто не понял. Если бы здесь не было русской водки, я думалбы, что я в Турции или в Испании. Только водка и полиция мне напоминают Россию.

* * *

В какой мере образ Смирнова является типичным образом учителя-обрусителя? Такой вопрос не возник бы, если бы не получившая широкую огласку встреча и интенсивная переписка между одним из таких «обрусителей» начала XX века и его учеников, которые через пол столетия, в 50-е — 60-е годы XX века добром и благодарностью вспоминали этого «обрусителя».

Учитель этот — впоследствии известный русский писатель Сергеев-Ценский, который в первое десятилетие века несколько лет провел в Талси, преподавая русский язык и литературу, а его благодарные ученики — поэт Ансабергис и библиограф-литературовед Карлис Эгле. Ученики еще через пол столетия с благодарностью вспоминали увлекательные уроки своего «обрусителя», который раскрыл перед ними дивный мир литературы, приблизил к пониманию литературы. Вообще, кто знает, может быть, именно он привел этих, а возможно и других своих воспитанников к литераторским профессиям вообще.